

Э. Роттердамский

Похвала глупости

Сатира

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р79

Р79 **Роттердамский Э.**
Похвала глупости: Сатира / Э. Роттердамский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 170 с.

ISBN 978-5-458-12375-4

Перевод с латинского, с предисловием, введением и примечаниями. П.Н. Ардашева, профессора Юрьевского университета. Издание третье, исправленное.

ISBN 978-5-458-12375-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тому небывало вліятельному положенію въ обществѣ, какое — впервые въ европейской исторіи — получилъ въ его лицѣ человекъ науки и литературы. До Эразма исторія не знаетъ ни одного подобнаго явленія — да такого и не могло быть до изобрѣтенія книгопечатанія; послѣ Эразма, за все продолженіе новой исторіи, можно указать лишь одинъ аналогичный фактъ: именно, только то, совершенно исключительное положеніе, которое выпало на долю Вольтера въ апогеѣ его литературной славы во второй половинѣ XVIII в., можетъ дать понятіе о томъ вліятельномъ положеніи, которое занималъ въ Европѣ Эразмъ въ первой половинѣ XVI в. „Отъ Англіи до Италіи — говоритъ одинъ современникъ Эразма —, отъ Польши до Венгріи гремѣла его слава“. Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему подарки, пенсіи и почетныя приглашенія. Могущественнѣйшіе государи эпохи, Генрихъ VIII Англійскій, Францискъ I Французскій, папы, кардиналы, прелаты, государственные люди и самые извѣстные ученые считали за честь находиться съ нимъ въ перепискѣ. Папская курія предлагала ему кардинальство; баварское правительство готово было назначить ему огромное по тому времени содержаніе за то только, чтобы онъ поселился въ Нюрнбергѣ. Когда ему случилось однажды пріѣхать во Фрейбургъ, то ему была устроена торжественная встрѣча, точно государю: магистратъ, цехи и корпораціи съ распущенными знаменами вышли къ нему навстрѣчу въ сопровожденіи всего населенія города. Эразма называли „оракуломъ Европы“. И дѣйствительно, отовсюду обращались къ нему за совѣтами не только люди науки по поводу разныхъ научныхъ вопросовъ, но и

государственные люди, даже государи—по поводу вопросовъ политическихъ.

Эразмъ родился въ 1467 г. въ голландскомъ городѣ Роттердамѣ. Отецъ его принадлежалъ къ одной изъ мѣстныхъ бюргерскихъ фамилій. Въ молодости онъ увлекся одною дѣвушкой и встрѣтилъ взаимность съ ея стороны. Но родители, имѣвшіе въ виду посвятить своего сына духовной карьерѣ, судили иначе и не дали своего разрѣшенія на женитьбу. Послѣдствіемъ этого было то, что молодые люди сошлись внѣ законнаго брака, и плодомъ этой связи былъ Дезидерій Эразмъ, будущій знаменитый гуманистъ.

Еще ребенкомъ Эразмъ лишился обоихъ родителей. Незаконнорожденный и круглый сирота — эти два обстоятельства не могли не оставить глубокаго слѣда въ жизни Эразма и не наложить извѣстнаго отпечатка на его характеръ. Нѣкоторая робость, граничившая подъ часъ съ трусостью, и нѣкоторая скрытность — эти двѣ столь много повредившія ему впослѣдствіи черты его характера — объясняются въ значительной степени, именно, тою пришибленностью, которую онъ долженъ былъ рано почувствовать вслѣдствіе своего преждевременнаго сиротства, усубленнаго вдобавокъ незаконнорожденностью, которая въ глазахъ тогдашняго общества налагала на ребенка печать позора. Последнее обстоятельство имѣло для Эразма еще и другое, болѣе реальное значеніе: оно заранѣе закрывало юношѣ всякую общественную карьеру. Молодому Эразму оставалось пойти въ монастырь. Онъ и безъ того не имѣлъ особеннаго влеченія къ монастырской жизни; а теперь, непосредственное

знакомство со всѣми темными и непривлекательными сторонами тогдашняго монастырскаго быта лишь усилили въ немъ отвращеніе къ монашеству, и тѣ язвительныя стрѣлы, которыя цѣлымъ градомъ сыплются въ монаховъ изъ его сатирическихъ произведеній, представляютъ собою въ значительной мѣрѣ лишь отголосокъ тѣхъ думъ и чувствъ, которыя были пережиты Эразмомъ въ пору его вынужденнаго пребыванія въ постылыхъ монастырскихъ стѣнахъ. Счастливый случай помогъ ему вырваться изъ монастырской атмосферы, въ которой онъ задыхался. Даровитый юноша, обращавшій на себя вниманіе своими выдающимися познаніями, блестящимъ умомъ и необыкновеннымъ искусствомъ владѣть изящною латинскою рѣчью, нашелъ себѣ скоро меценатовъ. Благодаря послѣднимъ, Эразмъ получилъ возможность много путешествовать и побывать во всѣхъ главныхъ тогдашнихъ центрахъ гуманизма. Прежде всего онъ попалъ въ Парижъ, который, впрочемъ, въ то время былъ гораздо болѣе центромъ схоластической учености, чѣмъ гуманистической образованности. Изданное имъ здѣсь первое крупное сочиненіе *Adagia*, сборникъ изреченій и анекдотовъ, взятыхъ изъ различныхъ античныхъ писателей, сдѣлало его имя извѣстнымъ въ гуманистическихъ кругахъ всей Европы. Затѣмъ Эразмъ имѣлъ возможность побывать въ Италіи, этой обѣтованной землѣ гуманистовъ, гдѣ, какъ пишетъ самъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „стѣны ученге и краснорѣчивге обитателей Голландіи“. Когда онъ пріѣхалъ въ Англію, то здѣшніе гуманисты встрѣтили его уже какъ своего извѣстнаго собрата. Наиболѣе выдающійся среди англійскихъ гуманистовъ,

знаменитый авторъ Утопіи, Томасъ Моръ, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе близкихъ друзей Эразма. Въ Англии Эразмъ былъ нѣсколько разъ, и во время одного изъ своихъ путешествій туда — изъ Италіи — и была имъ набросана его знаменитая сатира Похвала Глупости, разнесшая его извѣстность въ болѣе широкіе круги тогдашней читающей публики. И самое сочиненіе это было посвящено Эразмомъ Томасу Мору, какъ и почему — это онъ объясняетъ въ своемъ письмѣ къ нему, предпосланномъ въ качествѣ предисловія къ сатирѣ.

Послѣ долгихъ скитаній, Эразмъ поселился наконецъ на постоянное жительство въ Базелѣ, гдѣ провель почти безвыѣздно послѣдніе годы своей жизни. Здѣсь окончилъ онъ и дни свои въ 1536 г.

II.

Какъ гуманистъ, Эразмъ всего ближе примыкаетъ къ Рейхлину: и тотъ и другой являются выдающимися носителями того научнаго духа, духа изслѣдованія и точнаго знанія, который составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ чертъ въ характеристикѣ гуманизма вообще. Подобно Рейхлину, онъ работалъ надъ критическимъ изданіемъ произведеній древнихъ классиковъ, съ обстоятельными критическими комментаріями. Наряду съ Рейхлиномъ, Эразмъ былъ однимъ изъ немногихъ въ то время знатоковъ греческаго языка и литературы. Объ авторитетѣ, которымъ пользовался Эразмъ въ области греческой филологіи, можно судить,

напримѣръ, по тому факту, что его мнѣніе относительно способа произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ греческаго алфавита (эты и дифтонговъ) получило всеобщее признаніе и практическое примѣненіе въ Германіи, наперекоръ укоренившейся традиціи и вопреки авторитету учителей-грековъ. Эразмъ также впервые примѣнилъ въ широкомъ масштабѣ научныя приемы къ разработкѣ богословія; благодаря своимъ критическимъ изданіямъ Новаго Завета и Отцовъ Церкви, онъ, можно сказать, положилъ основаніе научному богословію на Западѣ, вмѣсто традиціоннаго, схоластическаго богословія. Въ частности, Эразмъ въ значительной степени подготовилъ почву для протестантскаго богословія — и это не только своими изданіями богословскихъ текстовъ, а также и нѣкоторыми изъ своихъ богословскихъ идей, которыя потомъ были восприняты протестантскими богословами (и отвергнуты богословами католическими). Такимъ образомъ, Эразмъ, который всѣ послѣдніе годы своей жизни старательно отрещивался отъ всякой солидарности съ реформаціей, оказался, наперекоръ своему желанію, въ роли одного изъ основателей протестантской догматики. Въ этомъ случаѣ литературно-научная дѣятельность Эразма соприкасается положительнымъ образомъ съ реформаціоннымъ движеніемъ. Она соприкасается съ послѣднимъ также и отрицательнымъ образомъ, именно — поскольку въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ Эразмъ выступаетъ обличителемъ отрицательныхъ сторонъ современной ему церковной дѣйствительности.

Изъ его двухъ крупныхъ сатирическихъ произве-

дений — Обыденныхъ разговоровъ (*Colloquia familiaria*) и Похвалы глупости (*Moriae encomium, sive Stultitiae laus*), имѣвшихъ почти одинаковый успѣхъ въ свое время, я оставлюсь лишь на послѣднемъ, которое предлагаю въ русскомъ переводѣ вниманію читающей публики.

Похвала Глупости написана была Эразмомъ, какъ говорится, между прочимъ. Если придавать буквальное значеніе свидѣтельству самого автора въ его предисловіи въ формѣ письма къ своему пріятелю Томасу Мору, то сочиненіе это было имъ написано отъ нечего дѣлать, въ теченіе его — конечно, продолжительнаго при тогдашнихъ способахъ передвиженія — путешествія изъ Италіи въ Англию. Во всякомъ случаѣ Эразмъ смотрѣлъ на это свое сочиненіе, лишь какъ на литературную бездѣлку. Этой литературной бездѣлкѣ, однако, Эразмъ обязанъ своей литературной знаменитостью и своимъ мѣстомъ въ исторіи европейской литературы въ не меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ своимъ многотомнымъ ученымъ трудамъ, которые, сослуживъ въ свое время свою службу, давнымъ-давно опочили въ захолустьяхъ книгохранилищъ, подъ слоемъ вѣковой пыли, въ то время какъ Похвала Глупости продолжалась до сихъ поръ читаться — если сравнительно немногими въ подлинникѣ, то можно сказать всѣми — въ переводахъ, которые имѣются на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и тысячи образованныхъ людей продолжаютъ зачитываться этой гениальной шуткой остроумнѣйшаго изъ ученыхъ и ученѣйшаго изъ остроумныхъ людей, какихъ только знаетъ исторія европейской литературы.

Врядъ ли исторія литературы можетъ указать другое аналогичное литературное произведеніе, которое могло бы сравняться своимъ успѣхомъ съ „Похвалою Глупости“. Во всякомъ случаѣ, до появленія въ свѣтъ, нѣсколькими годами позднѣе, Писемъ темныхъ людей, это былъ первый случай со времени появленія печатнаго станка, такого по истинѣ колоссальнаго успѣха печатнаго произведенія. Достаточно сказать, что напечатанная въ первый разъ въ Парижѣ, въ 1509 г., сатира Эразма выдержала въ нѣсколько мѣсяцевъ до семи изданій: всего же при жизни Эразма въ разныхъ мѣстахъ она была переиздана не менѣе сорока разъ. Полнаго списка всѣхъ изданій этого произведенія, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводахъ на новые языки, до сихъ поръ не составлено. Изданный въ 1893 г. дирекціей университетской библіотеки въ Гентѣ предварительный и, слѣдовательно, подлежащій исправленіямъ и дополненіямъ, списокъ изданій всѣхъ сочиненій Эразма насчитываетъ, для „Похвалы Глупости“ (въ подлинникѣ и въ переводахъ) болѣе двухсотъ отдѣльныхъ изданій (точная цифра — 206).

Этотъ безпримѣрный успѣхъ объясняется, конечно многими обстоятельствами, изъ которыхъ громкое имя автора, разумѣется, играло не послѣднюю роль; но главныя условія успѣха лежали, несомнѣнно, въ самомъ произведеніи. Здѣсь, прежде всего, надо отмѣтить удачный замыселъ, вмѣстѣ съ блестящимъ его выполненіемъ. Эразму пришла очень удачная мысль взглянуть на окружающую его, современную ему дѣйствительность, наконецъ — на все челоѣчество, на весь міръ — съ точки зрѣнія глупости. Эта точка зрѣнія,

исходящая изъ такого общечеловѣческаго, присущаго „всѣмъ временамъ и народамъ“ свойства, какъ глупость, дала автору возможность, затрогивая массу животрепещущихъ вопросовъ современности, въ то же время придать своимъ наблюденіямъ надъ окружающею дѣйствительностью характеръ универсальности и принципіальности, — освѣтить частное и единичное, случайное и временное съ точки зрѣнія всеобщаго, постоянного, закономѣрнаго. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, авторъ могъ, набрасывая сатирико-юмористическія картины современнаго ему общества, рисовать сатирическій портретъ всего человѣчества.

Этотъ общечеловѣческій характеръ, являясь одною изъ привлекательныхъ сторонъ произведенія для современнаго автору читателя, въ то же время предохранилъ его отъ забвенія въ будущемъ. Благодаря ему, Похвала Глупости заняла мѣсто въ ряду нестарѣющихъ произведеній человѣческаго слова — не въ силу, правда, художественной красоты своей формы, а именно вслѣдствіе присутствія въ немъ того общечеловѣческаго элемента, который дѣластъ его понятнымъ и интереснымъ для всякаго челоѣка, къ какому бы времени, къ какой бы націи, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ. Читая сатиру Эразма, иногда невольно забываешь, что она написана четыреста лѣтъ тому назадъ: до такой степени свѣжо, живо, жизненно и современно подъ часъ то, что встрѣчаешь на каждомъ шагѣ въ этомъ произведеніи, отдѣленномъ отъ насъ четырьмя столѣтіями. Не будь латинскій языкъ препятствіемъ для огромнаго большинства читающей публики, П о х в а л а

Глупости продолжала бы, конечно, до сих поръ фигурировать въ числѣ ея излюбленныхъ книгъ. Для человѣка же, въ достаточной степени знакомаго съ латинскимъ языкомъ, чтеніе этого произведенія въ подлинникѣ составляетъ и теперь одно изъ лучшихъ умственныхъ наслажденій.

Кромѣ удачнаго замысла, этою своею привлекательностью Похвала Глупости обязана въ неменьшей степени и блестящему его выполнению. Выполненіе подобнаго замысла требовало, кромѣ неподдѣльнаго и высокопробнаго остроумія, еще и того, что можно назвать настроеніемъ. И то и другое имѣется въ избыткѣ въ гениальной бездѣлкѣ Эразма.

Эразмъ былъ, дѣйствительно, одаренъ рѣдкимъ остроуміемъ, остроуміемъ легкимъ, естественнымъ, недѣльнымъ; оно у него бьетъ фонтаномъ, брызжетъ изъ каждой строки. По характеру своего остроумія Эразмъ очень напоминаетъ своего позднѣйшаго преемника по литературной славѣ, Вольтера.

Наконецъ, Похвала Глупости, это — одно изъ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ литературныхъ произведеній, отъ которыхъ не пахнетъ книгой. Читая ее, забываешь о книгѣ и чувствуешь непосредственное умственное соприкосновеніе съ живымъ человѣкомъ, съ сангвиническою и богато одаренною натурой, мыслящей и вдумчивой, живущей всеми фибрами своего существа, отзывчивой и чуткой ко всему, „что не чуждо человѣку“. Это и есть то, что можно назвать настроеніемъ въ литературномъ произведеніи. Литературное произведеніе съ настроеніемъ можно опредѣлить, какъ произведеніе, которое при чтеніи менѣе напоминаетъ

книгу, чѣмъ живого человѣка. Чтеніе такой книги доставляетъ всегда особенное наслажденіе, и въ этомъ въ значительной степени разгадка необыкновеннаго успѣха такихъ произведеній, какъ Похвала Глупости.

Господствующій тонъ сатиры Эразма — юмористическій, а не саркастическій. Смѣхъ Эразма проникнуть по большей части благодушнымъ юморомъ, часто тонкой ироніей, почти никогда — бичующимъ сарказмомъ. „Я имѣлъ въ виду — говоритъ самъ Эразмъ въ своемъ письмѣ къ Томасу Мору — болѣе забавлять, чѣмъ бичевать; я вовсе не думалъ, по примѣру Ювенала, выворачивать вверхъ дномъ клоаку человѣческихъ гнусностей, и гораздо болѣе старался выставить на показъ смѣшное, чѣмъ отвратительное“. Дѣйствительно, въ сатирикѣ чувствуется не негодующій моралистъ съ наморщеннымъ челомъ и пессимистическимъ взглядомъ на окружающее, а жизнерадостный гуманистъ, смотрящій на жизнь съ оптимистическимъ благодушіемъ, и въ отрицательныхъ сторонахъ послѣдней видящій скорѣе предлогъ для того, чтобы отъ души посмѣяться и побалагурить, чѣмъ метать перуны и портить себѣ кровь.

По формѣ своей, Похвала Глупости представляетъ народію на панегирикъ — форма, пользовавшаяся большою популярностью въ то время, на что имѣется намекъ въ самомъ текстѣ сатиры (гдѣ говорится объ „охотникахъ сочинять панегирики въ честь Бусиридовъ, Фаларидовъ, четырехдневныхъ лихорадокъ, мухъ, лысинъ и прочихъ мерзостей“). Оригинальнымъ является лишь то, что панегирикъ въ данномъ случаѣ